

МАТЕРИЈАЛИ/MATERIALS

УДК: 323.1(=163.3)"19"
811.161.1-05:323.1(=163.3)"19"

Михаил Николаевич БУТЫРСКИЙ
Государственный музей Востока (Москва)

Павел Евгеньевич ЛУКИН
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва)

ЗАПИСКА П. А. ЛАВРОВА О МАКЕДОНСКОМ ВОПРОСЕ

Петр Алексеевич Лавров (1856–1929) – выдающийся российский и советский филолог-славист, специалист в области древней славянской книжности и письменности, лингвист, палеограф.

Закончивший в 1879 г. историко-филологический факультет Московского университета, П.А. Лавров был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре славянской филологии, а в 1887 г. защитил магистерскую диссертацию о черногорском митрополите и поэте Петре II Негоше («Петр II Петрович Негош, владыка Черногорский, и его литературная деятельность»). Уже в то время П.А. Лавров интенсивно работал над изучением древних славянских рукописей, которое, начавшись с хранилищ Москвы, в дальнейшем распространилось на рукописные собрания Софии, Белграда, Загреба, монастырей Афона и других мест. В 1893 г. П.А. Лавров защитил докторскую диссертацию по истории болгарского языка («Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка»). С 1898 г. П.А. Лавров — профессор Новороссийского университета (Одесса), с 1900 г. — профессор Петербургского университета. В 1900 г. П.А. Лавров принял деятельное участие в организованной Императорской Академией наук комплексной научной экспедиции в Македонию под руководством академика Н.П. Кондакова, в ходе которой на него была возложена задача сбора материалов для лингвистического описания языка македонско-славянского населения. С 1902 г. П.А. Лавров был членом-корреспондентом, с 1923 г. — действительным членом Российской академии наук. Он также был удостоен звания

члена-корреспондента ряда зарубежных академий: Сербской (1906), Чешской (1907), Югославянской (в Загребе, 1911).¹

П.А. Лавров оставил после себя около 200 больших и малых научных работ, включая такой монументальный труд как свод материалов по истории возникновения славянской письменности² и целый ряд ставших классическими руководств по славянской палеографии.³

Между тем, помимо строго научных сочинений, перу П.А. Лаврова принадлежит и ряд работ, характер которых можно определить как научно-публицистический. К их числу относится и публикуемая ниже записка о Македонском вопросе,⁴ составленная ученым в связи с участием в македонской экспедиции 1900 г.⁵ Само возникновение этой записки, как и ее характер, вполне согласуется с тем, как видел задачи и конечную цель экспедиции ее руководитель Н.П. Кондаков: «Главнейшею задачею экспедиции было собрание материалов на месте для будущего историко-этнографического исследования важнейших местностей и пунктов в Македонии; целью было предположено стремиться к установлению таких научных историко-археологических и филологических оснований, которыми можно было бы воспользоваться в будущем при постановке крупного политического вопроса, образуемого как современным положением Македонии в Турецкой империи, так и отношениями к ней и ее племенному составу соседних стран и национальностей Балканского полуострова».⁶ Не удивительно, что именно в фонде

¹ О жизни и деятельности П.А. Лаврова подробнее см., в частности: *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. М., 2012. С. 78–97; Памяти академика П.А. Лаврова. Л., 1929; Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 209–211.

² *Лавров П.А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности». Л., 1930.

³ *Лавров П.А.* Палеографические снимки с югославянских рукописей болгарского и сербского письма. СПб., 1905; *Он же.* Палеографическое обозрение кирилловского письма. Пг., 1914; *Он же.* Альбом снимков с югославянских рукописей болгарского и сербского письма. Пг., 1916.

⁴ О Македонском вопросе как комплексе международных противоречий и споров относительно «исторического права» на Македонию, национальной принадлежности ее населения и правомерности ее передачи в состав того или иного притязающего на нее государства см., в частности: *Волков В.К.* Македонский вопрос в политике и науке // Македония: Проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 3–8; *Эдемский А.Б., Карасев А.В., Цехмистренко С.П.* К истории Македонского вопроса // Славяноведение. 1993. № 1. С. 66–78.

⁵ Об экспедиции 1900 г. см., в частности: *Бутырский М.Н.* Археологическое путешествие академика Н.П. Кондакова // *Кондаков Н.П.* Македония. Археологическое путешествие. М., 2019. С. 9–23; *Хартанович М.В.* История поступления македонской этнографической коллекции в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Санкт-Петербургской академии наук // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб., 2010. С. 162–166.

⁶ *Кондаков Н.П.* Македония. Археологическое путешествие. СПб., 1909. С. 1.

Н.П. Кондакова в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук записка и хранится в настоящее время (Ф. 115. Оп. 1. Ед. хр. 196).⁷

Записка П.А. Лаврова публикуется по рукописи с максимально возможным сохранением особенностей оригинала, хотя и в современной русской орфографии.

Записка и комментарии к ней были подготовлены к публикации в рамках исследовательского проекта по изучению научного наследия Н.П. Кондакова, осуществлявшегося в 2013–2015 гг. при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-61-01004, руководитель М.Н. Бутырский), и были опубликованы (комментарии — с некоторыми изменениями) в составе приложений к переизданию книги Н.П. Кондакова в московском издательстве «Индрик» при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-19-00264).⁸

П.А. Лавров

ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МАКЕДОНСКОГО ВОПРОСА

Македония является такою областью Турецкой империи, которая служит ареной политической борьбы целого ряда соревнующих между собою народностей. Болгары, сербы, греки, румыны и албанцы с свойственно южанам запальчивостью отстаивают свои притязания в стране, находящейся фактически

О положении и судьбе Македонии в конце XIX — начале XX в. подробнее см., в частности: *Исаева О.Н.* Мюрцштегский опыт «умиротворения» Македонии // Македония: Проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 72–99; *Она же.* Национальное самосознание славянского населения Македонии в начале XX века // Славяноведение. 2002. № 3. С. 50–56; *Искендеров П.А.* Македония: балканское «яблоко раздора» // История Балкан: На переломе эпох (1878–1914). М., 2017. С. 372–390; *Косик В.И.* Македония — споры, соглашения, войны // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX в. М., 1997. С. 318–340; *Поповски В.* Влияние великих держав на судьбы Албании и Македонии (1912–1913) // *Bulgarica, Slavica et Rossica.* Научный сборник в честь заслуженного профессора Московского университета Людмилы Васильевны Гориной. СПб., 2019. С. 159–170; *Сквозников А.Н.* Македония в конце XIX — начале XX века — яблоко раздора на Балканах. Самара, 2010; *Он же.* Македонский вопрос во внешней политике балканских государств в конце XIX — начале XX века // *Дриновски сборник/Дриновський збірник.* Т. VII. Харків; Софія, 2014. С. 232–242; *Он же.* Политическая борьба между балканскими государствами за македонские земли в конце XIX — начале XX в. // Россия (СССР) и Македония: История, политика, культура. 1944–1991 гг. М., 2013. С. 159–172; *Ямбаев М.Л.* Македония в 1878–1912 гг. // В «пороховом погребке Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 297–321.

⁷ О фонде Н.П. Кондакова подробнее см.: *Тункина Н.В.* Н.П. Кондаков: обзор личного фонда // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 93–119.

⁸ *Кондаков Н.П.* Македония. Археологическое путешествие. М., 2019. С. 449–455.

ки во власти турок, которые представляют здесь все еще внушительную силу. Если исключить румын, которые живут спорадически и совершенно отделены от румынской территории, а следовательно, всего менее имеют расчеты на какую-либо долю Македонии, то останутся греки и албанцы, которые опираются в своей деятельности на географическую близость своих коренных земель и сила которых в культурном влиянии у греков и в избытке стихийных сил полудикого народа, пользующегося поддержкой турок, у албанцев. И те, и другие служат серьезным препятствием успеху славянского населения. С теми и другими нельзя не считаться в вопросе о будущих судьбах Македонии.

Что касается греков, то они легче могут быть удовлетворены в тех местах, где к границам Греческого королевства прилегает сплошное греческое или огреченное население. О таких местностях не может быть спору с точки зрения славянской. Что же касается греческого населения во многих городах Македонии, то, разумеется, оно не может быть принимаемо во внимание, как окруженное сплошным славянским сельским населением. Не говорим уже о том, что в значительном проценте это или огреченные славяне, или грекоманы, т.е. сторонники греческой церкви, греческой образованности. Таковы, напр., города Серес, Мельник, Струмица и многие др.

Иной характер имеет албанское движение. Албанцы, действующие оружием и грабежом, грубой силой подвигаются с своей территории, вытесняя славянское население, селясь на покинутых им местах целыми селениями, сплошь занимая принадлежавшие славянам земли. Наибольшей степени достигает это движение в Старой Сербии и Северной Македонии, в которой они доходят до самого Скопие. С другой стороны оно направляется в южной части Македонии от Охридского озера на Корчу, город с албанским населением, к Костуру. Встречая поддержку в Ильдиз-киоске^[1] у самого султана, они не могут быть обузданы местными турецкими властями. В настоящее время их движение начинает принимать довольно серьезный национальный характер. Хотя албанцы, по-видимому, не склонны менять одно господство на другое, но тем не менее католический элемент среди их является без сомнения орудием австрийской политики в ее планах продвинуться к Солуню. С этой стороны албанцы опаснее греков, на которых не может простирается австрийское влияние. Во всяком случае, при их свободолюбивости в интересах славянских вступить с ними в соглашение, которое бы могло служить оплотом против наиболее пагубного для народов Балканского полуострова стремления к Солуню Австрии. С точки зрения славянской албанский вопрос заслуживает самого внимательного к нему отношения.

Если положение России как державы, покровительствующей славянству, вполне ясно и просто в отношении к грекам и албанцам, то гораздо более зат-

руднений является в отношении к болгарам и сербам. Вполне понятно, однако, что тот и другой народ близкие славянскому населению Македонии по крови и языку, связанные с ним историей и заинтересованные в решении Македонского вопроса и со стороны экономической, занимают первое место по полнотности своих притязаний на Македонию. Нельзя сказать, чтобы в настоящий момент силы их были одинаковы. Учреждение Болгарского экзархата в 1870 г.,^[2] который получил возможность распространять сферу своего влияния в пределах всей Турецкой империи, склонило перевес на сторону болгар и в Македонии. Церковь и школа явились в их руках сильным орудием в интересах болгарской народности. В этом случае турецкое иго, в котором находились болгары в момент учреждения экзархата, ставило их в преимущественное положение сравнительно с сербами. Сербы получили самостоятельную церковь, не доходя до разрыва с греками, но зато и сфера деятельности этой церкви ограничивалась пределами Сербского и Черногорского княжеств. Сербские земли вне их границ оставались без национального представителя и защитника народных интересов, по силе и значению равного болгарскому экзарху.

Политические события семидесятых годов явились новым фактором, усилившим болгарскую народность. Движение против турок было начато в сербских провинциях Боснии и Герцеговине, вызвало участие в борьбе с турками Сербии и Черногории, дальнейшим результатом этой борьбы за освобождение славян была русская война. И что же оказалось? Больше внимание, наибольшие усилия были направлены не на то, чтобы отстоять свободу Босны и Герцеговины, не на то, чтобы оказать содействие усилению Черногории и Сербии, союзницы России (разумею первую) со времени Петра Великого, а на создание Великой Болгарии, сразу получившей такие широкие этнографические границы, после которых трудно было желать чего-либо большего. Эту точку зрения мы считаем большой ошибкой виновника Сан-Стефанского договора. Правда, этот договор давал Босне и Герцеговине автономию, границы Сербии и Черногории определены были им в больших размерах. Но после того как этот договор был заменен Берлинским трактатом, сербы оказались наиболее потерпевшими, в выигрыше остались болгары. Правда, границы Великой Болгарии не осуществились. От княжества была отделена Румелия и Македония, но было ясно, что соединение с княжеством первой области являлось лишь вопросом времени, и события подтвердили это. Не прошло и десяти лет, как воссоединение с Румелией создало из Болгарии славянское государство наиболее сильное, превышавшее территорией Сербию и Черногорию вместе* . Меж-

* Вот как отмечено значение этого факта в учебнике географии Кончева, употребительного в македонских школах: «Болгария занимает 99.872 к.км, ей приходится после Турции второе место на полуострове. По густоте населения Болгария сходится с Турцией: 34 ч. на квадратный кило-

ду тем последние, сравнительно с Болгарией принимавшие более активное участие в борьбе с турками, на Берлинском конгрессе были урезаны в границах, определенных Сан-Стефанским договором и в этих границах неизменно остаются и по сие время. А Босна и Герцеговина, виновницы происшедшего на Балканском полуострове переворота, перешли из одного ига в другое, притом иго горшее, явившееся могилой заветных народных чаяний, они изнывают под грубым гнетом калаевского немецко-мадьярского управления^[3], от которого и сейчас бежит мусульманское по вере, сербское по крови население этих провинций, покидая исконно сербские земли.

Ясно, что равновесия между болгарами и сербами никакого не существует. И вот при таких обстоятельствах сербы и болгаре, далеко не равносильные, стоят перед Македонией.

Чья же будет Македония?

Сан-Стефанский договор и в этом отношении сослужил великую службу болгарской идее, предопределив Македонию в целости болгарам и дав тем опору их исключительным притязаниям на эту область Турецкой империи. Разумеется, составитель договора мог сослаться на то, что сербам предопределяются Босна и Герцеговина. Но после того, как Берлинский трактат обрек эти провинции на бессрочную оккупацию Австрией, сербы, лишенные возможности объединить бесспорно сербские земли, должны были направить свои взоры на Македонию, в которой только и оставалось им искать соответствующего удовлетворения. С этого времени начинается ожесточенная борьба за преобладание в Македонии двух близких между собой народов. Болгаре упрямо не хотят войти в положение сербского народа и грубо противодействуют сербским усилиям даже там, где и этнографические черты сербские сильно выступают (разумею Северную Македонию), пользуясь теми преимуществами, какие им дает церковь, подчиненная Болгарской экзархии, и зависящая от нее школа. Они отвергают всякую мысль о каком-либо соглашении, но такое соглашение необходимо в интересах справедливости, в интересах славянских в широком смысле, в пользу которых с узко-эгоистической болгарской точки зрения должны быть сделаны уступки.

Мы остановимся с целью указать то огромное значение, которое имеет в пропаганде болгарской в Македонии экзархат. Представителями его являются митрополиты и архиепископы в Охриде, Битоле, Велесе, Струмице, Скопле. От

метр, откуда следует, что в стране есть место для населения вдвое и втрое большего», стр. 23. Наоборот: «Сербия занимает 48.589 кв. м, а население ее достигает 2.342.000. Отсюда видно, что Сербия принадлежит к мелким государствам полуострова, но густо населена: на 1 кв. килом. 48 ч.», стр. 161. Ясно, куда должны обращаться взоры македонцев.

них зависят рассеянные по всей Македонии болгарские школы, в заведывании которых принимают участие и общины. В последнее время дело осложнилось возникновением Македонского комитета, являющегося крайним представителем болгарских стремлений. Сначала между экзархией и комитетом не было единодушия вследствие того, что последний являлся выразителем не одних лишь крайних национальных стремлений, но также и в вопросах веры и пр., в последнее время после взаимных уступок временно обе стороны соединились для скорейшего достижения успехов в народном вопросе. Сербы в осуществлении своих интересов не имеют подобной поддержки, какую дает болгарам экзархат, и оттого их школы не могут иметь такого успеха, как болгарские. Даже в Скопле все еще нет сербского митрополита. Фирмилиан все еще остается неутвержденным. Сербы прекрасно поняли значение для успехов сербского дела высшего представителя церкви. Сначала раздался голос, взывавший к вселенским чувствам Константинопольского патриарха. Но такое воззвание в настоящее время, когда так сильно напряжены национальные струны, всего менее могло подействовать на представителя греческой церкви, в руках фанариотов являющегося послушным орудием панэллинской идеи. Поэтому гораздо более практичным является другое предложение добиваться восстановления Печской патриархии. В лице этого патриарха сербы получили бы недостающего им защитника духовных интересов сербского населения вне границ сербских княжеств, который таким образом получил бы для них значение, какое для болгар имеет экзарх. Содействовать сербам в достижении этой цели было бы благодарной задачей русской политики.

Другой задачей было бы склонить болгар и сербов к разграничению Македонии, причем это разграничение может быть делом соглашения независимо от языка, которым говорит население, а в зависимости от большего равновесия политических и экономических интересов. При таком соглашении для населения будет совершенно безразлично, куда оно отойдет. Язык в этом случае не может никоим образом препятствовать: в нем есть черты, сближающие его с болгарскими говорами, и в свою очередь черты, приближающие его к сербскому яз., как это и приходится отмечать исследователям этих говоров. Само собой выйдет, что говоры, наиболее близкие к яз. болгарскому, в силу смежности границы отойдут к Болгарии и, наоборот, воспринявшие сербское влияние в наибольшей степени отойдут к Сербии. А говоры центральные, где граница не играет роли, могут быть поделены произвольно. Ведь населению Ниша и его окрестностей не мешает близость к болгарскому яз. прекрасно существовать в сербском государстве, как в свою очередь сербские черты в яз. заходят в западные болгарские говоры так далеко, что доходят до самой Софии. Ясно, что меркой политического подразделения не может служить говор.

Как только настанет соглашение, неизбежное в общих интересах болгар и сербов, откроется возможность плодотворной подготовительной деятельности для тех и других в известных частях македонской территории. Расточаемые теперь иногда бесплодно средства найдут надлежащее применение, и прискорбное ожесточение прекратится. Русская политика стяжала бы великую заслугу, если бы ей удалось провести этот план, убедительно подействовав в Софии и Белграде. Для посредничества и помощи в этом было бы желательно усиление нашего персонала в Македонии. Штип, Мельник, Серес, Охрид, Дебра могли бы быть пунктами, где было бы желательно иметь хотя второстепенных наших представителей. Или же таковые могут быть прикомандированы к имеющимся уже консульствам только с условием их жительства в этих указанных нами пунктах. Для этой цели можно было бы воспользоваться услугами тех молодых людей славянского происхождения, которые получили образование в России и одинаково хорошо владеют языками русским и сербским или же русским и болгарским и в то же время часто и турецким. Такие представители всего лучше могли бы следить за действиями турок, чтобы ограничивать грубое насилие. Турки в достаточной степени боятся могущественной России, чтобы допускать насилие на глазах ее представителей, близких к интересам населения. В то же время турки не мадьяры или немцы, столь враждебные славянской культуре. Их терпимость в этом отношении блестяще подтверждается дозволением школ, церковного богослужения, книжных лавок. Предлагаем здесь каталог книжных магазинов Македонии. По нашему мнению, при таких условиях, при надзоре за турецкими властями, при дружном разграничении сербских и болгарских интересов, положение Македонии было бы более выносимо, нежели положение несчастных Босны и Герцеговины. Во всяком случае, Россия не может забывать того, что Солунь — родина слав. первоучителей Кирилла и Мефодия, что Охрид и ближайшие к нему места были освящены деятельностью Климента Славянского, Наума и др. учеников первоучителей, что в Македонии нашло приют христианско-славянское просвещение после катастрофы его в западных краях славянского мира, вызванной насилием немцев и погромом мадьярским. Отсюда оно распространилось в Болгарии, из которой перешло и к нам, дав нам свой облик, который все еще не могут изгладить всевозможного рода опыты стереть его национальный характер.

Вот почему мы, русские, не можем относиться к Македонии с тем равнодушием, какое могут сохранять к ней иностранцы.

П. Лавров. 12 марта 1901 г.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

Ф. 115. Оп. 1. Ед. хр. 196.

Комментарии

1. «Ильдиз-киоск» — широко распространенное в конце XIX — начале XX в. наименование правящих кругов Османской империи при султанах Абдул Хамиде II (1876–1909). Происходит от названия стамбульского дворцово-паркового комплекса Йылдыз (тур. Yıldız Sarayı — букв. «Звездный дворец»), который был построен в качестве новой официальной резиденции султана.

2. Болгарский экзархат — национальная болгарская православная церковная организация, оформившаяся в 1870–1872 гг. в результате одностороннего отделения от православного Константинопольского патриархата и получившая каноническое признание со стороны последнего (как и со стороны других поместных православных церквей) только после Второй мировой войны.

В ходе неизбежного церковно-административного размежевания с Константинопольским патриархатом «схизматический» Болгарский экзархат к концу XIX в. сумел не только легализовать деятельность болгарских церковных общин в Македонии, но и добиться прямого контроля над многими из местных православных епархий, включая Скопскую, Охридскую и Битольскую. Все это позволило создать в македонских землях широкую сеть школ разного уровня, не только дававших учащимся светское образование европейского образца, но и воспитывавших их в духе болгарского ирредентизма. Именно эта сторона деятельности экзархата пользовалась наибольшей поддержкой со стороны правящих кругов болгарского государства.

Подробнее см.: *Гришина Р.П.* Болгария и македонские болгары. 1878–1913 // Дриновски сборник/Дриновський збірник. Т. VII. Харків; Софія, 2014. С. 219–231; *Косик В.И., Темелски Хр., Турилов А.А.* Болгарская Православная Церковь // Православная энциклопедия. Т. 5. М., 2002. С. 615–643; *Макарова И.Ф.* Болгарское национально-церковное движение и Россия (1856–1872 гг.) // Общественные движения у народов Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII — начале XX в. М., 2011. С. 48–104; *Она же.* Еще раз об истоках болгарского церковного вопроса // Славянский мир в третьем тысячелетии: Славянская идентичность — новые факторы консолидации. М., 2008. С. 146–172; *Она же.* К вопросу о целях болгарского церковного движения (после 1856 г.) // Славяноведение. 2011. № 1. С. 29–40; *Макарова И.Ф., Жила Л.И.* Конфессии и формирование болгарской нации // Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999. С. 195–252.

3. Имеется в виду деятельность Бенъямина Каллаи (венг. Benjámín von Kállay, Béni Kállay de Nagy-Kálló, 1839–1903) — видного австро-венгерского политика и ученого аристократического венгерского происхождения. В 1882–1903 гг. Б. Каллаи возглавлял общеимперское министерство финансов и в этом качестве осуществлял

управление Боснией и Герцеговиной, оккупированными Австро-Венгрией (1878) при формальном сохранении османского суверенитета. Будучи одним из главных идеологов австро-венгерской политики на Балканах, проводил линию на конструирование особой боснийской этноязыковой идентичности, невзирая на религиозно-конфессиональное разделение жителей Боснии и Герцеговины на христиан-православных, христиан-католиков и мусульман.

Подробнее см.: *Вяземская Е.К.* Босния и Герцеговина: ее место и роль в европейских конфликтах начала XX века // В «пороховом погребке Европы». 1878–1914 гг. М., 2003. С. 322–359; *Она же* (при участии А.В. Карасева). Конфессия и национальность в историческом развитии Боснии и Герцеговины // Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999. С. 112–135; *Она же*. Пороховой погреб на Балканах — Босния и Герцеговина 1878–1918 гг. // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX в. М., 1997. С. 286–318; *Искендеров П.А.* Боснийский узел // История Балкан: На переломе эпох (1878–1914). М., 2017. С. 362–371.

Илл. 1. Участники экспедиции 1900 г.

Сидят (слева направо): П.П. Покрышкин, неустановленное лицо, Н.П. Кондаков, П.Н. Милюков, П.А. Лавров, М.С. Лаврова, неустановленное лицо.

Стоят (слева направо): Д.К. Крайнев и османские офицеры

Взгляд на современное положение
Македонского вопроса.

Македония является такою областью турецкой империи, которая служит ареною политической борьбы против ряда соседствующих между собою народностей. Болгары, Сербы, Греки, Румыны и Албанцы из своей собственной гордости за независимость отстаивают свои претензии в стране, находящейся фактически во власти турок, которые представляют здесь все еще внушительную силу. Если исключим Румынов, которые живут sporadически и совершили быстрое отъезженную территорию, а следовательно во всего менее имеют право на какую-либо долю Македонии, то остаются Греки и Албанцы, которые опираются на свои претензии на географическую близость своей горной земли и сила которых в культурном отношении Греков и в известной степени даже виллусского народа, находящегося под охраной турок, у албанцев. И то и другие стремятся соединить представляемые участки славянского населения. В то же время и другие не хотят не участвовать в вопросе о будущем судьбах Македонии.

Что касается Греков, то они могут быть удовлетворены в том же смысле, где по франкскому королевству принадлежат славянские греческие или определенное население. От таких известностей не может быть спору с точки зрения славянской. Что же касается греческого населения во многих городах Македонии, то различается, оно не может быть принято во внимание, как окруженное славянским славянским славянским населением. Наоборот уже о том, что во значительном проценте это или сербские славяне, или грекоманы, т.е. сторонники греческой церкви, греческой образован-

Илл. 2. Первая страница рукописи П.А. Лаврова
«Взгляд на современное положение Македонского вопроса»